

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Цыганков Дмитрий Андреевич

**Формирование сообщества профессиональных историков
в Московском университете
во второй половине XVIII – начале XX века**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2023

Диссертация подготовлена на кафедре истории России XIX века – начала XX века
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Официальные оппоненты – **Антощенко Александр Васильевич**,
доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ
ВО «Петрозаводский государственный
университет», Институт истории
политических и социальных наук, кафедра
отечественной истории, профессор
Ростовцев Евгений Анатольевич,
доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный
университет», Институт истории, кафедра
истории России с древнейших времен до XX
века, профессор
Фандо Роман Алексеевич,
доктор исторических наук, ФГБУН «Институт
истории естествознания и техники им.
С.И. Вавилова Российской академии наук»,
директор, главный научный сотрудник

Защита диссертации состоится «20» ноября 2023 года в 16 часов на заседании
диссертационного совета МГУ.056.1 Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д.
27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, ауд. А-419.

E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки
МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале:
<https://dissovet.msu.ru/dissertation/056.1/2661>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2023 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

О.В. Белоусова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность. Под влиянием социальной истории, социальной истории науки, интеллектуальной истории и истории повседневности кардинальным образом изменились представления об ученых и их повседневной жизни. От истории изобретений, открытий, революционных прорывов и крутых смен научных парадигм исследователи постепенно перешли к изучению тех структур, которые определяют нормальное функционирование науки и этос поведения человека науки¹.

Нормальное функционирование науки обеспечивают прежде всего институты науки: академии, университеты, научные общества и т.п. Изучение институтов науки показало, что они не только не являются чем-то неподвижным, но и сами подвержены как структурным, так и функциональным изменениям, существенным кризисам, как правило, длительным, серьезно их преобразующим². Некоторые изменения в институтах науки являются естественными для нее, отвечают ее внутренним закономерностям. Однако в определенные периоды исторического развития новации в институтах науки могут вызываться внешними для мира ученых влияниями.

Изучение коммуникаций в мире ученых привело к антропологизации исследований, посвященных ученым. Особое внимание стали привлекать «ритуалы науки», «символический капитал науки», нормы и девиации в поведении ученых. Естественно, встал вопрос об интеллектуальном лидерстве ученых внутри научных институций, рассматривалась роль ученых в формировании научных школ, национальных элит и управлении обществом и государством³.

¹ *Merton R.* The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. Chicago, 1973; *Мирская Е.З.* Р.К. Мертона и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11. Этос науки на рубеже веков. М., 2005. С. 11–28.

² Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003; *Колчинский Э.И.* Наука и кризисы в XX в. Некоторые результаты сравнительного анализа // Реформы науки и техники в РФ и КНР: итоги и перспективы. Материалы международного форума. КНР, Пекин, 17–18 октября 2005 г. СПб., 2009. С. 23–32.

³ *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX в. М., 2005; *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов. М., 2008; *Бурдьё П.* Homo academicus. М., 2017.

Наконец, интерес стали вызывать различные профессиональные группы внутри научного сообщества, обстоятельства их формирования, характерные черты, открытость или закрытость внешнему миру.

Объектом исследования является сообщество профессиональных историков в Московском университете – малая социальная группа интеллектуалов, объединенная образовательным процессом и разнообразными научными коммуникациями на историко-филологическом факультете Московского университета.

Предмет исследования – коммуникации внутри этого сообщества, в результате которых формируются профессиональные навыки и компетенции членов социальной группы.

Цель работы – выявление основных закономерностей формирования и функционирования сообщества профессиональных историков в Московском университете во второй половине XVIII – начале XX века.

Для достижения цели исследования предполагается решение ряда **исследовательских задач**:

- выявить влияние, которое оказал трансфер институтов науки из Европы на формирование профессии историка в России;
- определить роль профессоров исторических кафедр Московского университета в создании профессионального сообщества историков в Московском университете;
- исследовать характер личных связей «учитель – ученик» в Московском университете;
- охарактеризовать основные черты московской школы историков.

Хронологические рамки работы определяются проблематикой исследования. Нижняя граница связана с созданием в 1755 г. Московского университета и появлением в нем первых историков по должности. Верхняя граница обусловлена ситуацией кризиса Московского университета в 1911 г. и смертью Василия Осиповича Ключевского – профессора, который в восприятии многих универсантов ассоциировался с московской школой историков. Однако придется

выходить и за верхнюю границу (до середины 1917 г.), чтобы завершить рассмотрение процессов, связанных с ситуацией 1911 г. Ведь именно в 1917 г. в университет вернулись историки А.А. Кизеветтер, Д.М. Петрушевский, Д.Н. Егоров, С.Ф. Фортунатов, покинувшие его в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.А. Кассо.

Территориальные границы исследования обусловлены его проблематикой – это пространство Московского университета, представляющее собой центр коммуникаций историков разных поколений.

Степень изученности проблемы. Начиная с 1970-х гг. (отдельные попытки предпринимались в 1930-е гг.) стал меняться характер исследований по истории исторической науки, с одной стороны, и социальной истории университетов и социальной истории науки – с другой⁴. Появились работы, лежащие на стыке этих подходов, формировавшие новое проблемное поле исследований. В них отчетливо был поставлен вопрос о региональной специфике развития исторической науки в дореволюционной России, прежде всего о московской и петербургской школах историков⁵. Изучалась проблема преемственности в исторических исследованиях между досоветским и советским периодами⁶. По-новому осмыслялся кризис исторической науки на рубеже XIX–XX вв.⁷

Создание теоретико-понятийного аппарата для исследований научных сообществ происходило в связи с обсуждением термина «школа» в науке⁸. Особый

⁴ См., например: *Гиндилис Н.Л.* Становление и развитие науковедения в XX веке // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 1. С. 98–104.

⁵ *Цамутали А.Н.* Особенности развития русской историографии в конце XIX – начале XX в. // Историческое познание: традиции и новации. Тезисы Международной теоретической конференции. Ижевск, 26–28 октября 1993 г. Ижевск, 1993. Ч. 1. С. 166–168; *Ананьич Б.А., Панях В.М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5; *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; *Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004.

⁶ *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008.

⁷ *Леонтьева О.Б.* Кризис в российской исторической науке рубежа XIX–XX вв. в понимании современной историографии // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Т. 157. № 3. С. 68–75.

⁸ Школы в науке. М., 1977.

интерес к этой теме был поднят после публикации работы Т. Куна «Структура научных революций»⁹.

Для понимания научной школы как феномена в истории науки заслуживают внимания работы американского социолога А. Тирикьяна и немецкого науковеда Х. Лайтко. Эти исследователи уделили особое внимание социальным компонентам научных школ – «связи учителей с учениками». Тирикьян предложил 4 критерия для подтверждения факта существования школы: 1. Интеллектуальная, харизматическая личность – основатель школы. 2. Институализированность школы внутри профессионального научного сообщества – например, университет с высокой репутацией. 3. Возможность заявить о своих взглядах через собственный журнал. 4. Профессиональная программа¹⁰.

Лайтко описал разные модели связей лидера школы с входящими в нее учеными. Первая модель – это школа с центрально ориентированной структурой, поддерживающая себя с помощью постоянных контактов. Для такого объединения ученых характерна группировка учеников вокруг учителя. Вторая модель – школа с центрально ориентированной структурой, но без четкой системы коммуникации. Такая школа является объединением сторонников носителем общих идей. Третья модель – школа без центра, но с кооперацией – группа равных ученых. Четвертая модель – школа без центра и без прямой коммуникации, объединяющая индивидуалистов с общим направлением исследований¹¹.

Построенные учеными теоретические модели возникновения, развития и функционирования научных школ дали возможность перенести исследования в практическую плоскость. Особенно важно это было для развития точных и естественных наук, где в это время решался вопрос о необходимых условиях финансирования коллективных исследований. Впрочем, и историки гуманитарных

⁹ *Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago; London; Toronto; 1962. Русский перевод: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.*

¹⁰ *Tiryakian E.A. The Significance of Schools in the Development of Sociology // Contemporary Issues in Theory and Research. A Metasociological Perspective / Ed. by W.E. Snizen, E.R. Fuhrman, M.K. Miller. Westport, Con.; London, 1979. P. 211–233.*

¹¹ *Лайтко Г. Научная школа – теоретические и практические аспекты // Школы в науке. М., 1977. С. 217–247.*

наук стали уделять проблеме научных школ пристальное внимание. Первоначально был поставлен вопрос о применимости и сущностном наполнении термина «научная школа» в исследованиях по истории исторической науки¹². В дальнейшем исследователи попытались отказаться от формального использования термина «школа» и создать работы, в которых под то или иное понятие школы была бы подведена адекватная теоретическая и источниковая база.

Для выделения той или иной школы в исторической науке историки использовали находящиеся в источниках личного происхождения упоминания о том или ином сообществе историков. Изучались не реалии складывания школы, а степень понимания единства этой общности ее представителями. Безусловно, четкое осознание представителями объединения ученых своего положения в более универсальной системе является неременным условием существования сообщества интеллектуалов. Но это осознание всегда возникает спустя некоторое время после формирования школы, что может стать причиной неадекватного описания целевых установок и ценностей того или иного сообщества. Так, традиции сообщества профессиональных историков в Московском университете благодаря воспоминаниям П.Н. Милюкова и речи перед защитой диссертации А.Е. Преснякова стали противопоставляться традициям петербургским. Как следствие, вместо объяснения механизма создания отличных друг от друга региональных школ историков констатировался факт их непохожести. Но обнаруженные различия – это следствие долгого процесса развития сообществ профессионалов, а не культурная данность, как это полагают некоторые исследователи¹³.

Развернувшиеся дискуссии по проблеме идентификации школообразующих практик¹⁴ позволили подчеркнуть тот факт, что формирование школы – сложное

¹² *Беленький И.Л.* К проблеме наименования школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки: межвузовский тематический сборник. Калинин, 1978. С. 64–65.

¹³ *Цыганков Д.А.* Исследовательские традиции московской и петербургской школ историков // История мысли. Русская мыслительная традиция. М., 2005. С. 66–77.

¹⁴ *Эммонс Т.* Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 45–61; *Гутнов Д.А.* Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1993. № 3. С. 40–53; *Погодин С.Н.* Научные школы в исторических науках // Клио. 1998. № 2. С. 14–26; *Мяжков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке. Опыт «Русской

явление, определяющееся множеством факторов, к которым относятся: личность главы школы, особенности коммуникации в научном центре представителей разных поколений ученых, внешнее давление на научный центр.

В целом удачной для определения понятия «школа» представляется концепция С.И. Михальченко. Основываясь на изучении киевской школы историков, исследователь указал на следующую «иерархию критериев» для ее выделения: «педагогическое общение как следствие отношений основателя школы и его учеников», общие «методы и принципы обработки источников», «методологическая (теоретическая, философская) общность», «близость в конкретно-исторических построениях и тематике исследований»¹⁵.

Таким образом, можно сказать, что возникший в конце 1970-х гг. интерес к университетским школам в исторической науке позволил сделать более определенным понятие «московская школа историков». При этом не до конца остается исследованным вопрос о вкладе отдельных ученых – Т.Н. Грановского¹⁶, С.М. Соловьева¹⁷, Н.А. Попова¹⁸, В.И. Герье¹⁹, В.О. Ключевского²⁰,

исторической школы». Казань, 2000. С. 7–108; *Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в историографию отечественной истории XX в. Омск, 2001. С. 77–81; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; *Бон Т.М.* Русская историческая наука. Павел Николаевич Милюков и московская школа. М., 2005; *Бажанова А.* Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915. Просвещение, наука, политика. Люблин, 2014.

¹⁵ *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии (школа западнорусского права). Брянск, 1996. С. 12–13.

¹⁶ *Левандовский А.А.* Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989.

¹⁷ *Цимбаев Н.И.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1990; *Кучурин В.В., Дубровский А.М.* Сергей Михайлович Соловьев: научно-педагогические взгляды и преподавательская деятельность. Брянск, 2022.

¹⁸ *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.

¹⁹ *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969; *Кирсанова Е.С.* Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье. Северск, 2003; *Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009; *Иванова Т.Н.* Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX в.). Чебоксары, 2010; *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.

²⁰ *Гришина Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010.

П.Г. Виноградова²¹ и других историков Московского университета²² – в создание сообщества профессиональных историков в Московском университете. Только разрабатывается вопрос о роли учеников лидеров сообщества рубежа XIX–XX вв. в поддержании традиций школы²³.

Источниковую базу исследования составил большой массив источников, который может быть сведен к следующим группам. Во-первых, это законодательство и нормативные документы. Во-вторых, это материалы официального делопроизводства. В-третьих, документы личного происхождения. В-четвертых, материалы научно-педагогического характера. В-пятых, материалы периодической печати.

К законодательным источникам относятся университетские уставы, опубликованные в ПСЗ (все собрания), а также нормативные документы, размещенные в ведомственных изданиях – Сборнике постановлений Министерства народного просвещения, Сборнике распоряжений Министерства народного просвещения, официальной части «Журнала Министерства народного просвещения».

Вторую группу источников составляет делопроизводственная документация. Она представлена прежде всего протоколами и журналами Совета историко-филологического факультета, а также Совета университета. И в университетском, и в министерском архиве сохранились формулярные списки профессоров Московского университета. Для нас важны делопроизводственные материалы канцелярии университетского Совета, Правления, а также канцелярии попечителя. Материалы делопроизводства позволяют детально рассматривать все этапы университетской карьеры профессоров, доцентов, приват-доцентов и оставленных для подготовки к профессорскому званию.

²¹ Антощенко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010.

²² Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни. Рязань, 2001.

²³ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976; Сафронов Б.Г. Вопросы исторической теории в трудах М.С. Корелина. М., 1984. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992.

Третью группу источников составляют документы личного происхождения – воспоминания, дневники, письма. Без источников этой подгруппы невозможно рассмотреть вопросы коммуникативной культуры московских историков, поставить вопросы персональной и антропологически ориентированной истории научных сообществ.

Практически все воспоминания московских историков – И. Виганда, М.П. Погодина, С.М. Соловьева, В.И. Герье, М.М. Богословского, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, С.В. Бахрушина, А.И. Яковлева и др. – предназначались для длительного хранения и потенциального прочтения потомками. Дневники, которые затрагивают схожие с воспоминаниями вопросы, но не всегда предназначены для посторонних глаз, также велись историками – М.П. Погодиным, В.О. Ключевским, М.С. Корелиным, А.Н. Савиным, М.М. Богословским, Ю.В. Готье. В ситуации отсутствия дневников их роль могут играть письма, которые выявлены у подавляющего большинства изученных нами историков. Часто воспоминания – это самопрезентация сообщества для внешнего мира или близких людей, в то время как дневники и переписка – саморефлексия по широкому кругу проблем, направленная на понимание университетского пространства.

Четвертая группа источников – это материалы научно-педагогического характера. Они делятся на три подгруппы.

Первую подгруппу составляют научные работы историков. Статьи историков отражают этапы подготовки диссертации, переосмысление тех или иных вопросов, важных для исследователя. Обстоятельства их подготовки, история публикаций в журналах, прохождение через экспертную среду позволяют говорить о традициях и новаторстве в историческом исследовании, востребованности тех или иных идей в профессиональном сообществе, общественном мнении. Также вполне возможно при изучении публикационной истории статьи затронуть вопросы самоцензуры и внешней цензуры историков. Диссертации и монографии историков показывают сложившиеся взгляды ученых.

Вторую подгруппу составляют материалы педагогической деятельности историков: литографированные курсы историков, автографы лекций, учебники,

планы лекционных и семинарских занятий. Литографированные курсы, растиражированные с согласия профессора или без его разрешения, как правило, сравниваются с сохранившимися в личных архивных фондах историков материалами для лекций – планами, тезисами, полными текстами лекций. Подобное сравнение позволяет как уточнить некоторые высказывания лекторов, так и показать сложность восприятия тех или иных тем для студенческой аудитории²⁴.

На основе литографий в конце XIX – начале XX в. начинается издание профессорских лекций типографским способом. История создания «Курса русской истории» В.О. Ключевского – отдельная тема, требующего специального исследования. Для создания окончательного текста курса Василий Осипович использовал как собственные записи лекций, так и литографированные издания студентов. Опубликованный курс Ключевского восходит к его реальным лекциям, но не тождественен им. Интересен и опыт публикации учебников московскими историками²⁵.

Третья подгруппа – публицистика. В работе особое внимание уделено статьям и речам историков об университете и собственных предшественниках, которые имеют коммеморативный характер. Такие тексты хорошо показывают позиционирование ученого в рамках научного сообщества, его просветительскую позицию.

Пятая группа источников – материалы периодической печати. Газеты и журналы могут дать большой объем информации о происходящем в университете, поскольку в них содержится описание университетских праздников, запротоколирован процесс защиты диссертаций, показаны университетские конфликты. Весьма представительными в связи с этим являются так называемые профессорские газеты и журналы. Прежде всего это газеты «Московские ведомости» и «Русские ведомости», журналы «Вестник Европы» (как первый

²⁴ *Иванова Т.Н.* Литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX в. как исторический источник // Сообщество историков высшей школы России. Научная практика и образовательная миссия. М., 2009. С. 25.

²⁵ *Соловьев С.М.* Учебная книга по русской истории. М., 1859; *Ключевский В.О.* Краткое пособие по русской истории. Частное издание только для слушателей автора. М., 1899.

журнал в годы редакторства М.Т. Каченовского, так и второй журнал – журнал М.М. Стасюлевича), «Москвитянин», «Русская мысль» и некоторые другие.

Методологическая основа исследования. Методологическим новшеством данной работы будет попытка дать определение московской школе историков не с точки зрения истории исторической науки, как это делалось раньше, а с точки зрения социальной истории.

В связи с этим представляется важным отказаться от того сопутствующего представления о школах, которое возникло в результате изучения этой темы в работах по истории исторической науки, где задача исследования «школы» заключалась в том, чтобы соотнести то или иное представление о «школе» с «направлением» или «течением» в науке²⁶. Такая трактовка понятия «школа» связывает это понятие с общеисторическими теориями и понятиями, а не с реальными отношениями (коммуникациями) между учеными, которые рассмотрены в данном исследовании.

Школа под предлагаемым в настоящей работе углом зрения – прежде всего социальный институт в университетском пространстве, внутри которого молодыми учеными, входящими в науку, приобретает особый профессиональный опыт. Школа под таким углом зрения является одним из элементов формирования личности (личностные коммуникации «учитель – ученик», а также коммуникации «ученик – ученик»), создает поколенческие («ученик – ученик») и межпоколенческие научные связи («учитель – ученик») и ощущение единства. Кроме того, школа формирует ценности и целевые установки, которые могут быть следствием как воздействия внешней среды – социальный заказ государства, требования общества, так и внутреннего развития школы – инициатива учеников, педагогический опыт и педагогическая доктрина учителя.

В диссертации понятие «сообщество» используется как более широкое по отношению к понятию «школа». Понятие «московская школа историков» применяется для характеристики системы подготовки историков в Московском университете на рубеже XIX – начала XX в.

²⁶ Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1985. С. 9–10.

При изучении влияния учителей на учеников в Московском университете используется концепция М. Полани о важности «неявного знания» в процессе формирования профессиональных ценностей²⁷. Полани с помощью введенного им в научный оборот конструкта пытался связать регламентированное, безличное знание – правила, исследовательские процедуры, добытые результаты, – существующее в той или иной науке и используемое исследователем, с «личностным» знанием, приобретаемым посредством вхождения в науку через обучение, личный опыт общения с учителями, коллегами. В связи с этим особый интерес уделяется таким историкам Московского университета, как Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, В.И. Герье, П.Г. Виноградов, и другим профессорам-историкам, их влиянию на учеников.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые формирование профессии историка в России в пространстве Московского университета представлено как история развития малой социальной группы, состоящей из учителей и учеников. Особое внимание уделяется личным характеристикам лидеров сообщества, их педагогическим доктринам, коммуникациям в научном пространстве, влиянию на учеников.

На основе комплексного изучения источников рассмотрены университетские карьеры историков, показана связь между процедурой получения ученой степени и вхождением в корпорацию университета. Уделено внимание влиянию лидера сообщества (дуайена) на его состав²⁸.

В научный оборот впервые массово вводятся делопроизводственные документы Московского университета – представления профессоров об оставлении для подготовки к магистерским экзаменам, инструкции магистрам, а также

²⁷ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В.А. Лекторского, В.А. Аршинова; пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М., 1995.

²⁸ Baumgarten M. Professoren und Universitäten im 19 Jahrhundert. Zur Sozialgeschichte deutscher Geistes- und Naturwissenschaftler. Göttingen, 1997; На русском языке см.: Маурер Т. «Барометры» или «Маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015.

некоторые документы личного происхождения – дневник М.С. Корелина, воспоминания В.И. Герье и письма его учеников.

Теоретическая значимость состоит в том, что в работе показано функционирование сообщества профессиональных историков Московского университета на протяжении длительного периода времени внутри «университетского пространства»²⁹. Последнее понятие активно используется в современных работах по истории университетов в России. Под университетским пространством понимается та среда – малые социальные группы, университетские корпорации, университетский город, – в которой происходит выработка научного знания. Программа исследований этой проблематики сформулирована прежде всего в работах Е.А. Вишленковой, И.П. Кулаковой, Е.Ю. Малышевой, А.А. Сальниковой, Е.А. Ростовцева, хотя классические работы А.Е. Иванова³⁰, Ф.А. Петрова³¹, Г.И. Щетининой³², Р.Г. Эймонтовой³³ по истории университетов в России, безусловно, стали базой для этих подходов.

Важное теоретическое значение для настоящего исследования имеет понятие «университетская модель», которое в отечественной науке обосновал

²⁹ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. М., 2005; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. М., 2006; Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017.

³⁰ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991; Он же. Студенчество России конца XIX – начала XX в.: социально-историческая судьба. М., 1999; Он же. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; Он же. Мир русского студенчества. 80-е годы XIX – начало XX в. Очерки. М., 2010; Он же. Ученое достоинство Российской империи. XVII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016; Он же. Высшая школа Российской империи XVIII – начала XX века. Избранные статьи. М., 2019; Он же. Университеты и власть в Российской империи. Начало XX века. М., 2023.

³¹ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и устав 1804 года. М., 2002; Т. 2. Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX в. М., 2002; Т. 3. Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. М., 2003; Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессура. Ч. 2. Студенчество. М., 2003.

³² Щетинина Г.И. Университеты в России и университетский устав 1884 года. М., 1976; Она же. Идеальная жизнь русской интеллигенции, конец XIX – начало XX в. М., 1995.

³³ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М., 1993.

А.Ю. Андреев³⁴. Исследователь описал несколько идеальных моделей университета как социального института в Европе – «доклассический», «классический» и «постклассический» университеты³⁵. Историк использовал также понятие «модернизированный университет», прежде всего для изучения немецких протестантских университетов XVIII в. Обычно в европейской истории переход от доклассической к классической модели относят к периоду около 1800 г. и непосредственно соотносят с другими крупными социальными переменами в Европе конца XVIII – начала XIX в. А.Ю. Андреев показал, что идеи «классического» университета в России с определенными отклонениями вводились практически одновременно с немецкой классической моделью и одним из идеологов этой системы был С.С. Уваров³⁶. В данной работе будут активно использоваться концепции, связанные с «доклассической» и «классической» моделями университета.

Практическое значение проведенного исследования состоит в том, что изучена история формирования профессии историка в пространстве Московского университета. Это дает возможность использовать материалы работы в трудах по истории Московского университета и истории исторической науки.

Достоверность результатов исследования обеспечивается обширной источниковой базой, построенной на опубликованных и архивных источниках из 10 архивохранилищ (Москва, Санкт-Петербург), а также соблюдением в работе принципов научности, объективности, историзма.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на кафедре истории России XIX – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные положения диссертации и ее выводы отражены в 32 научных работах диссертанта общим объемом 200,6 п.л., в том числе в 22 работах общим

³⁴ Андреев А.Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 48–60.

³⁵ Он же. Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

³⁶ Он же. «Гумбольдт в России»: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX в. // Отечественная история. 2004. № 2. С. 37–55.

объемом 18,2 п.л. в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Результаты исследовательской работы диссертанта апробировались в выступлениях на международных и российских конференциях, отражены в энциклопедических статьях в БРЭ, Московской энциклопедии, Энциклопедии Московского университета.

Структура исследования. Работа состоит из введения, восьми глав, заключения, списка источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Профессия историка возникла в России в результате длительного процесса, запущенного переносом на русскую почву социальных институтов науки из Европы в XVIII в. К середине XIX в. в Московском университете были выработаны основы для выделения истории как научного знания из других наук (филология, юриспруденция, политическая экономия). С середины XIX в. начался этап профессионализации исторического знания. Этому процессу в Московском университете способствовал тот факт, что учебные планы историков и филологов были разделены. На конец XIX – начало XX в. приходится углубление специализации внутри профессии.

2. Педагогические доктрины московских историков базировались на идеологии европейского Просвещения, которую характеризовали прежде всего представления о прогрессивном развитии личности, общества, государства. В течение XIX в. к этой идеологии примешивались представления об историческом процессе как сложносоставной системе взаимообусловленных элементов, что объясняется влиянием гегельянства, шеллингизма, позитивизма. В Московском университете эпохи попечительства С.Г. Строганова эти европейские идеи были обрамлены представлениями о преподавании как своеобразном долге учителя перед учениками. Учитель в этой доктрине формировал мировоззренческие основы общественного служения ученого-историка. Воспитание историей мыслилось как своеобразная миссия человека университетской культуры, получившего

историческое образование. Последнее было «неявным знанием» московских историков. В целом в профессиональном сообществе историков Московского университета формировалось представление об исторической науке как экспертном знании, необходимом русскому обществу и государственной бюрократии.

3. К последней четверти XIX в. в Московском университете сформировалось сообщество московских историков, которое представляло собой малую социальную группу. Первоначально группа была строго иерархизирована. Старшинство в сообществе принадлежало дуайенам – старшим по возрасту профессорам кафедры всеобщей и кафедры российской истории, которые для молодых преподавателей и готовящихся к сдаче магистерских экзаменов были учителями-наставниками. Права дуайенов на лидерство поддерживались традицией коммеморативных практик в университете, посвященных отцам-основателям историко-филологического факультета (Т.Н. Грановскому, С.М. Соловьеву, позже – В.О. Ключевскому), их административным влиянием на учебный процесс, возможностью помочь молодым коллегам в университетской карьере.

4. Под московской школой историков понимается система профессиональной подготовки для написания исторических диссертаций в Московском университете, созданная во второй половине XIX в. Важными элементами в этой системе были общие лекционные курсы, обязательные и необязательные университетские семинары, необязательные домашние семинары профессоров-дуайенов, коммуникации между научным руководителем и магистрантом в процессе подготовки к сдаче магистерских экзаменов, личное общение «учитель – ученик». Система была сформирована благодаря педагогической деятельности прежде всего профессоров всеобщей истории. Ведущую роль в этом процессе сыграли В.И. Герье в 1860–1890-е гг. и П.Г. Виноградов – в 1880–1890-е гг. Важную роль в формировании московской школы историков играл В.О. Ключевский.

5. Молодые приват-доценты 1890-х гг., особенно П.Н. Милюков, фактически по-новому поставили вопрос о том, каким должен быть лидер сообщества московских историков. Главным в новом облике профессора-учителя постепенно становились не старшинство службы и административное влияние преподавателя на

учебный процесс, а оригинальность научной концепции ученого. Утверждение новых профессиональных ценностей происходило за счет конфликтов молодых историков со старшими (конфликты П.Н. Милюкова с В.О. Ключевским и Р.Ю. Виппера – с В.И. Герье и П.Г. Виноградовым). У П.Н. Милюкова и Р.Ю. Виппера были большие группы поддержки среди молодых универсантов. П.Н. Милюков по политическим причинам покинул университет, утратив возможность влиять на подготовку молодых ученых. Р.Ю. Виппер стал одним самых популярных профессоров факультета в начале XX в., однако не сумел сформировать собственную систему подготовки научной смены. В результате П.Н. Милюков и Р.Ю. Виппер не предложили новой системы подготовки ученых в Московском университете. Как наставники юношества они пользовались той инфраструктурой московской школы историков, которая была сформирована предшествующим поколением профессоров-историков Московского университета – В.И. Герье, В.О. Ключевским, П.Г. Виноградовым. Однако при этом выходцы из поколения приват-доцентов 1890-х гг. чрезвычайно серьезно повлияли на профессиональные навыки и умения нового поколения историков, которое войдет в науку уже в советское время. В 1900–1910-е гг. происходило перераспределение лидерского влияния в сообществе историков в Московском университете. Главенство в подготовке научной смены переходило от профессоров-всеобщников – Р.Ю. Виппера, Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина – к профессорам-русистам – М.К. Любавскому, М.М. Богословскому, Ю.В. Готье.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** дается обоснование научной значимости и актуальности темы исследования, определяются объект и предмет работы, формулируются ее цель и задачи, раскрывается методология, указываются хронологические рамки, фиксируются территориальные границы, оценивается степень изученности рассматриваемых проблем, анализируется и систематизируется источниковая база, характеризуется научная новизна диссертации и обозначается практическая

значимость, дается информация об апробации, и приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Характеристика источников и анализ историографии» показано введение в научный оборот различных групп источников, которые обусловили подходы к объекту и предмету исследования на разных этапах изучения темы.

В первом параграфе «Характеристика источниковой базы» показаны основные группы источников и их использование, рассматриваются особенности анализа сведений из некоторых документов, изученных в работе.

Во втором параграфе «Обзор историографии» проанализированы основные подходы к изучению темы как в рамках истории исторической науки, так и в исследованиях по социальной истории университетов. Подведены итоги относительно хорошо изученных аспектов проблематики, связанной с изучением сообщества историков в Московском университете, показаны те вопросы, которые нуждаются в дополнительном анализе.

Во второй главе «Формирование ученого сословия в России и историки Московского университета: 1755–1835» изучен процесс институализации сообщества профессиональных историков в Московском университете.

В первом параграфе «Трансфер и адаптация институтов науки в XVIII – начале XIX в.» освещены общие тенденции процесса переноса на русскую почву институтов науки из Европы, подробно рассмотрены сложности с созданием Московского университета, особое внимание уделено феномену длительного открытия и переоткрытия Московского университета.

Во втором параграфе «Первые профессора-историки Московского университета» изучена университетская карьера Ф.Г. Дильтея, Х.Г. Кёльнера, Х.К. Рейхеля, Х.А. Чеботарева, И. Виганда, читавших в университете лекции по истории.

В третьем параграфе «Влияние устава 1804 г. и законодательной практики первой трети XIX в. на институализацию сообщества профессиональных историков в Московском университете» показаны изменения в структуре университета,

произошедшие в начале XIX в. и способствовавшие становлению сообщества историков.

В четвертом параграфе «Профессора кафедры всемирной истории, географии и статистики в первой четверти XIX в.» показана университетская карьера Н.Е. Черепанова и Ю.П. Ульрихса.

В пятом параграфе «М.Т. Каченовский и новые тенденции в формировании сообщества историков в Московском университете в первой трети XIX в.» рассматриваются основные подходы к изучению фигуры историка в научной литературе, показана университетская карьера М.Т. Каченовского, изучена роль этого профессора как одного из создателей традиций коммуникаций профессоров и студентов в университетском пространстве.

В выводах по второй главе говорится, что во второй половине XVIII – первой трети XIX в. шло институциональное оформление сообщества историков Московского университета. Уже проект об основании Московского университета содержал положение о существовании отдельной кафедры универсальной истории и геральдики на философском факультете. Однако первоначально в силу незавершенности процесса открытия университета чтение лекций по истории было поручено профессору юридического факультета Ф.Г. Дильтею, а затем должность профессора истории получали преподаватели – Х.Г. Кёльнер, И.Г. Рейхель, Х.А. Чеботарев, И. Виганд, Н.Е. Черепанов, как правило, имевшие за плечами обучение на философском факультете. Полученное первыми историками Московского университета образование – европейский университет или долгое обучение в Московском университете – должно было обеспечить возможность этим интеллектуалам погружение в проблематику исторической науки. Первых историков Московского университета отличали знание иностранных языков, опыт работы в частных и университетских библиотеках, контакты с признанными авторитетами в области истории, к которым в эту эпоху относились Г.Ф. Миллер и Н.М. Карамзин. Четкой процедуры замещения преподавательских должностей историков на этапе институализации сообщества профессиональных историков не существовало. Назначение на должность происходило при поддержке кураторов

или попечителей с одобрением или без него еще очень рыхлой корпорации профессоров Московского университета.

При создании университетского устава 1804 г. история как предмет преподавания была совмещена с географией и статистикой. По новому уставу в университете теоретически должно было появиться два профессора, занимающихся историей. Однако на практике до 1821 г. становление преподавания истории в университете происходило благодаря профессору кафедры теории изящных искусств и археологии М.Т. Каченовскому. Профессор «истории, статистики и географии российского государства» И.А. Гейм, бывший географом по научной специализации, курса русской истории не читал, а профессора «всемирной истории, статистики и географии» – Н.Е. Черепанов и Ю.П. Ульрихс – не смогли внести заметного вклада в преподавание истории в университете.

Научная деятельность М.Т. Каченовского сыграла важную роль в выделении истории как предмета преподавания из круга близких дисциплин. Именно он как администратор при подготовке устава 1835 г. активно высказывался за создание двух самостоятельных кафедр истории в Московском университете, готовил себе научную смену, размышлял о возможности существования младших преподавателей по истории наряду с профессорами, читавшими общий курс.

В третьей главе «Общие условия для формирования сообщества историков в Московском университете в эпоху попечительства С.Г. Строганова» рассмотрены изменения в жизни Московского университета, в результате которых профессора-историки становятся одними из самых популярных университетских преподавателей, привлекающих на публичные лекции в университет большое число просвещенной публики.

В первом параграфе «Роль попечителя в модернизированном университете: С.Г. Строганов» показано значение главы московского учебного округа в формировании основ классического университета в России.

Во втором параграфе «Возникновение новых исторических кафедр» изучены взгляды профессоров Московского университета на преподавание истории в университете при подготовке и введении в действие устава 1835 г.

В третьем параграфе «Первый профессор кафедры российской истории: М.П. Погодин» проанализирована университетская карьера ученого, охарактеризована его преподавательская деятельность, особое внимание уделено отставке Михаила Петровича из университета.

В четвертом параграфе «Т.Н. Грановский как новый тип профессора-историка» рассмотрен путь ученого к профессуре в Московском университете, изучена его роль в формировании этических принципов профессорского служения, показано значение Тимофея Николаевича как лектора и ученого, формировавшего интерес к истории как науке.

В пятом параграфе «П.Н. Кудрявцев как профессор Московского университета» проанализированы университетская карьера ученого, его конфликты в университетском пространстве, педагогические и нравственные ориентиры.

В шестом параграфе «С.М. Соловьев как профессор Московского университета» изучены общие подходы к творчеству С.М. Соловьева в историографии, рассмотрено значение студенческого опыта и заграничной стажировки историка для формирования его научного мировоззрения, анализируются конфликты с участием С.М. Соловьева при его вхождении в университетскую корпорацию, показаны его лекционный опыт и педагогическая доктрина.

В седьмом параграфе «Диспут как элемент университетской культуры в эпоху С.Г. Строганова» представлена история становления диспутов в Московском университете. Конфликты при защите диссертаций Т.Н. Грановским и С.М. Соловьевым рассматриваются как утверждение новых ценностей классического университета. Публичность обсуждения научных достижений рассматривается как норма профессиональной этики историков в Московском университете.

В выводах по третьей главе подчеркивается, что годы попечительства С.Г. Строганова в Московском университете стали временем завершения институализации сообщества московских историков. Продолжателем дела М.Т. Каченовского можно считать М.П. Погодина, находившегося в сложных

личных отношениях со старшим коллегой, но фактически унаследовавшего мысль предшественника о том, что подготовка научной смены – предмет заботы корпорации ученых Московского университета. Погодину же принадлежит один из первых планов общероссийской подготовки историков, изложенный Михаилом Петровичем в письме к министру народного просвещения – С.С. Уварову. Характерной чертой М.П. Погодина была идея воспитания историей русского гражданина.

В годы попечительства С.Г. Строганова в Московском университете уделялось повышенное внимание историческим кафедрам и преподаванию истории. Строганов осуществил омоложение всего преподавательского корпуса, в результате чего в университете появилось новое поколение историков. К нему следует отнести Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева на кафедре всеобщей истории и С.М. Соловьева, сменившего М.П. Погодина, на кафедре российской истории. Представители новой генерации ученых приносили в процесс обучения, который стал более упорядоченным в результате введения так называемой курсовой системы, новое понимание закономерностей исторического процесса, пытались сформировать устойчивый интерес у молодых людей к исторической науке, которая, по их мнению, открывала возможности для понимания проблем развития личности, общества, государства. Постепенно профессора-историки стали подводить своих слушателей и учеников к мысли, что историческая наука должна быть автономной от других дисциплин в университете, а сами исследователи должны определять критерии вхождения в профессиональную корпорацию историков. Институциональному обособлению исторической науки в университете способствовала правительственная политика после европейских революций 1848 г. В 1850 г. был создан историко-филологический факультет Московского университета.

В четвертой главе «У истоков профессионализации сообщества историков в Московском университете» (1850–1884)» анализируются процесс формирования системы исторического образования в Московском университете и роль сообщества факультетских историков в этом процессе.

В первом параграфе «Штатные должности и кафедры историко-филологического факультета Московского университета» рассматривается введение в действие на историко-филологическом факультете Московского университета нового устава 1863 г.

Во втором параграфе «Практика замещения штатных должностей на историко-филологическом факультете Московского университета» проанализированы конфликты между филологами и историками при занятии штатных должностей на историко-филологическом факультете Московского университета в 1850–1870-е гг. Обращается внимание на то, что к середине 1870-х гг. историки в университете настаивали на том, что только самостоятельный научный труд дает основание выпускнику-историку Московского университета претендовать на занятие штатной университетской должности. Эту идею сформулировал С.М. Соловьев, активно отстаивали Н.А. Попов и В.И. Герье. Предложенную Министерством народного просвещения альтернативу замещения штатных должностей за счет выслуги лет на вспомогательных должностях историки отвергли.

В третьем параграфе «Проблема разделения историко-филологического факультета» изучены дискуссии по этому вопросу между филологами и историками университета.

В четвертом параграфе «Семинары на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е – начале 1870-х гг.» показана история становления семинара в Московском университете. К середине 1860-х гг. в Московском университете появляются семинарии как учебные подразделения филологов для подготовки гимназических учителей классических языков и семинары как практические упражнения для историков, целью которых является написание исследовательских работ. У истоков филологической семинарии в Московском университете стоял филолог П.М. Леонтьев, развивавший те формы занятий на факультете, которые практиковал еще в 1850-е гг. С.П. Шевырев. Семинар как новую форму исследовательской активности для историков создал В.И. Герье, для которого было важно, чтобы студенты, выбравшие специализацию

по истории, выполняли письменные работы по этой дисциплине. В отличие от филологической семинарии, за работу в которой студенты получали стипендии, участие в исторических семинарах было личной инициативой студентов. Дальнейшее развитие новой формы занятий у историков было связано с попытками разделения историко-филологического факультета по двум специализациям – филологии и истории. Обязательными семинары для историков стали после введения в действие устава 1884 г.

В пятом параграфе «С.В. Ешевский: ученик из круга Т.Н. Грановского – С.М. Соловьева» рассмотрена университетская карьера этого ученого Московского университета.

В шестом параграфе «Н.А. Попов как профессор Московского университета» показаны университетская карьера ученого, его педагогическая доктрина, рассмотрены принципы работы профессора с учениками.

В седьмом параграфе «В.И. Герье как профессор Московского университета» рассмотрены основные подходы к изучению научного и педагогического наследия историка в новейшей литературе, показана его деятельность как профессора Московского университета, в том числе проанализированы коммуникации ученого с учениками.

В выводах по четвертой главе отмечается, что на историко-филологическом факультете постепенно опытным путем формировался механизм замещения штатных должностей, в котором решающую роль во вхождении молодого ученого в корпорацию ученых играл старший по возрасту профессор (С.М. Соловьев, Н.А. Попов, В.И. Герье), хотя формально этот процесс выглядел многоступенчатым и подчиненным законодательным процедурам.

В.И. Герье, воспринимая себя как наследника Т.Н. Грановского и С.М. Соловьева, пытался выстроить систему ведения талантливых студентов от момента поступления на историко-филологический факультет и до получения ученых степеней (магистра и доктора), которые открывали молодым людям возможность занятия штатных должностей в Московском университете.

В процессе формирования системы подготовки историков на факультете возникала особая, не совсем устойчивая, профессиональная общность, функциями которой были распространение специальной информации, добытой в результате научных исследований, и пополнение рядов ее членов. Вся система была замкнута на лидерах сообщества, которые стремились провести на свободные штатные должности своих учеников.

В пятой главе «Московская школа историков» (1884–1911)» рассматривается функционирование сообщества московских историков как малой социальной группы на рубеже XIX–XX вв.

В первом параграфе «Память о Т.Н. Грановском в сообществе московских историков» анализируются представления об этой личности, созданные его преемниками в университете и использовавшиеся для формирования идеальных представлений о деятельности профессора-историка внутри сообщества. История памяти о Т.Н. Грановском в Московском университете позволяет рассмотреть процесс формирования идентичности сообщества московских историков на протяжении длительного периода времени. Все поколения дореволюционных университетских профессоров оставили свои тексты о Т.Н. Грановском, в которых присутствовали и особенные суждения, и общие оценки.

Во втором параграфе «Память о С.М. Соловьеве в сообществе московских историков» показано сохранение памяти об этом профессоре в Московском университете. Тексты учеников С.М. Соловьева формировали так называемое неявное знание о Соловьеве, «предание» об Учителе. В.О. Ключевский сделал все возможное для того, чтобы образ С.М. Соловьева стал знаковым для студентов-историков Московского университета рубежа веков. Даже выбор тем исследований для диссертаций собственных учеников, в которых изучались преимущественно реформы в России в XVIII в., Василий Осипович попытался представить как следование заветам С.М. Соловьева. После смерти В.О. Ключевского в 1911 г. универсантами стала формироваться традиция поминовения самого Василия Осиповича – наследника С.М. Соловьева на кафедре.

В третьем параграфе «Учебный план историко-филологического факультета» изучен уровень специализации занятий по истории на факультете в конце XIX – начале XX в., то есть рассмотрены базовые условия для подготовки новых членов профессионального сообщества.

В четвертом параграфе «В.О. Ключевский как профессор Московского университета» рассматриваются основные подходы к изучению историка в научной литературе, анализируется путь ученого к профессуре, показываются его первые подходы к написанию общего курса русской истории, создание которого стало знаковым явлением в Московском университете в конце XIX – начале XX в. В параграфе исследуется характер научных коммуникаций В.О. Ключевского с коллегами и учениками.

В пятом параграфе «П.Г. Виноградов как профессор Московского университета» показана университетская карьера ученого, подробно анализируется педагогический опыт историка, который особое внимание уделял семинарским занятиям и научным коммуникациям с молодыми исследователями.

В шестом параграфе «В.И. Герье и П.Г. Виноградов: сотрудничество в работе по подготовке научной смены» освещена коллективная работа профессоров кафедры всеобщей истории по подготовке учеников к сдаче магистерских экзаменов и написанию диссертации.

В седьмом параграфе «Диссертационная культура московских историков во второй половине XIX – начале XX в.» рассматривается роль квалификационных работ историков Московского университета в формировании критериев профессиональности сообщества.

В выводах по пятой главе обращается внимание на то, что до начала XX в. среди историков Московского университета были признанные лидеры сообщества. Их можно назвать дуайенами. Эти дуайены воспринимались и как административные, и как научные авторитеты в сообществе профессиональных историков в Московском университете. Изначально лидер сообщества мог даже объединять русских и всеобщих историков, как это было в случаях с Т.Н. Грановским в 1840–1850-е гг. и С.М. Соловьевым в 1860–1870-е гг. Память об

этих отцах-основателях сообщества бережно хранилась историками в Московском университете. С 1880-х гг. лидерами всеобщих историков становятся В.И. Герье и стоящий рядом с ним П.Г. Виноградов, лидером историков-русистов – В.О. Ключевский.

Административный и научный авторитет на факультете и в университете позволял дуаиенам оставлять выбранных ими учеников для подготовки к защите диссертации, сопровождать сдачу учениками магистерских экзаменов на факультете, контролировать их научные диспуты, инициировать вопрос о назначении молодых коллег по сообществу на университетские должности.

Это привело к очень понятной и стройной системе карьерной стратегии молодого профессионального историка в Московском университете. Хорошо проявив себя в семинарах университетских преподавателей или написав сильную конкурсную работу для получения медали, студент мог быть оставленным для сдачи магистерских экзаменов. Годы подготовки в качестве магистранта становились вхождением молодого ученого в сообщество профессиональных историков Московского университета. Первоначально это достигалось за счет поддержания связей с домашним семинаром учителя, а потом через сеть научных обществ в Москве.

Защита диссертации свидетельствовала о желании номинанта построить научную карьеру. Фактически все темы работ магистров русской истории связаны с общим курсом В.О. Ключевского, читаемым в университете, хотя, безусловно, определенное воздействие на научную программу исследований историков-русистов Московского университета начала XX в. оказывала магистерская диссертация П.Н. Милюкова, а также работы М.К. Любавского. Диссертации всеобщих историков были связаны с кругом научных интересов В.И. Герье и П.Г. Виноградова.

В шестой главе «Институт приват-доцентуры и его роль в специализации занятий на факультете» изучена роль младших преподавателей в формировании новых практик преподавания на факультете.

В первом параграфе «Особенности функционирования системы приват-доцентуры на историко-филологическом факультете в конце XIX – начале XX в.» рассмотрены мотивы службы в качестве младших преподавателей на факультете, коммуникации приват-доцентов с лидерами сообщества и между собой.

Во втором параграфе «Приват-доцентура как завершающий этап научной карьеры в московской школе историков» проанализированы академические биографии выпускников Московского университета – С.Ф. Фортунатова, В.Е. Якушкина, П.Н. Милюкова, Н.А. Рожкова, С.А. Котляревского, С.В. Бахрушина. Каждому из приват-доцентов посвящен отдельный подпараграф. Эти преподаватели стремились к профессорской должности на историко-филологическом факультете Московского университета, но не достигли ее.

В выводах по шестой главе фиксируется, что с середины 1890-х гг. большое влияние на специализирующихся по истории на факультете стал оказывать институт приват-доцентуры. Лидеры этой части преподавателей факультета – П.Н. Милюков и другие приват-доценты – находились под влиянием П.Г. Виноградова и активно использовали семинарские формы занятий для продвижения своих идей. Начался этап углубленной специализации внутри профессионального сообщества московских историков, который разрушал все еще присутствовавшее на историко-филологическом факультете чувство единства историков.

Конфликты дуайенов с приват-доцентами показывают, что в прошлое уходили представления о верности учеников учителям, а претендовавшим на лидерство дуайенам сообщества необходимо было предлагать новые основания для своего лидерского положения на факультете. При этом продвижение по службе в университете молодого ученого во многом определялось позицией дуайена. В связи с этим сложные личные отношения с учителем могли быть преградой для дальнейшей университетской карьеры. Так, на открытый конфликт с В.О. Ключевским решился П.Н. Милюков. Формальным поводом стало недовольство П.Н. Милюковым результатами собственной магистерской защиты, на которой приват-доцент рассчитывал получить степень доктора, минуя магистра,

но не добился ожидаемого. Поскольку через непродолжительное время после конфликта по политическим причинам П.Н. Милюков был удален из Московского университета, то с точки научной повседневности на факультете этот личный конфликт ничего не изменил. Дуайен В.О. Ключевский по-прежнему определял продвижение по службе историков своей кафедры, тем более что до начала XX в. он оставался единственным профессором на ней. При этом В.О. Ключевский охотно соглашался на то, чтобы передавать приват-доцентам чтение обязательных курсов по истории на факультете. Его авторитет распространялся и на научную сферу. Конфликтов между приват-доцентами и профессорами на кафедре всеобщей истории не было.

В **седьмой главе** «Профессора Московского университета в конце XIX – начале XX в.: традиции и новации в сообществе московских историков» рассмотрены университетские карьеры профессоров Московского университета, которым было суждено отвечать за судьбу сообщества в начале XX в. **Первый параграф** – «М.С. Корелин как профессор Московского университета», **второй параграф** – «Р.Ю. Виппер как профессор Московского университета», **третий параграф** – «М.К. Любавский как профессор Московского университета», **четвертый параграф** – «Д.М. Петрушевский как профессор Московского университета», **пятый параграф** – «А.Н. Савин как профессор Московского университета», **шестой параграф** – «М.М. Богословский как профессор Московского университета», **седьмой параграф** – «И.И. Иванов как профессор Московского университета», **восьмой параграф** – «Ю.В. Готье как профессор Московского университета», **девятый параграф** – «А.А. Кизеветтер: путь к профессуре в Московском университете», **десятый параграф** – «Д.Н. Егоров: путь к профессуре в Московском университете», **одиннадцатый параграф** – «А.И. Яковлев: путь к профессуре в Московском университете».

В **выводах по седьмой главе** систематизируются сведения о том, что профессора рубежа XIX – начала XX в. за исключением Д.М. Петрушевского были учениками лидеров сообщества московских историков предыдущей эпохи – Н.А. Попова, В.И. Герье, П.Г. Виноградова и В.О. Ключевского, – получившими

свою штатную позицию в университете после нахождения на приват-доцентской должности. Д.М. Петрушевский был учеником И.В. Лучицкого по Киевскому университету, но в Москве административную и научную поддержку ученому оказывали сначала П.Г. Виноградов, а затем – Р.Ю. Виппер.

После отставки П.Г. Виноградова (1901 г.) и отказа от преподавания заслуженного профессора В.И. Герье (конец 1904 г.) на кафедре всеобщей истории некоторое время единственным профессором оставался Р.Ю. Виппер. Последний попытался окружить себя профессорами, поддерживающими его инициативы. Таковыми стали Д.М. Петрушевский и А.Н. Савин, которым Р.Ю. Виппер помогал в получении штатных должностей в университете. Позицию Р.Ю. Виппера более зрелые представители факультета, прежде всего М.К. Любавский, а также П.Г. Виноградов, который после возвращения в университет занимал должность сверхштатного профессора, воспринимали как этически неоправданную, что стало причиной трудных отношений между историками, подрывающим единство в сообществе московских историков.

Несмотря на внутренние дискуссии и конфликты, до 1911 г. сохранялась непреложная традиция, согласно которой замещение профессорских должностей историков в Московском университете происходило путем рекомендации ближайших специалистов. После казуса 1911 г., когда министр Л.А. Кассо отказался утвердить кандидатуру А.А. Кизеветтера, поддержанную Советом Московского университета, сообщество историков оказалось в ситуации, когда теоретически в эту малую социальную группу могли быть включены посторонние для сообщества лица. Впрочем, замещение вакантных должностей на факультете в период между 1911 и 1917 гг. практически не повлияло на расстановку сил у историков. Кандидатура И.И. Иванова, переведенного в Москву из Нежина министром, оказалась приемлемой для сообщества московских историков, поскольку он был учеником В.И. Герье, а назначения учеников В.О. Ключевского – М.М. Богословского и Ю.В. Готье – были естественными для московских историков. В целом вмешательство в формирование сообщества профессиональных историков Московского университета со стороны Министерства народного

просвещения после 1911 г. было минимальным. Однако постепенно в прошлое уходило чувство единства всеобщих и русских историков. В деятельности новых профессоров явно просматривается тенденция к специализации занятий.

В восьмой главе «Московская школа историков в ситуации кризиса Московского университета: 1911–1917» подводятся итоги развития московской школы историков.

В первом параграфе «Кризис Московского университета в 1911 г.» показано сложное положение Московского университета в результате нарастания кризисных явлений, затрагивающих его управление, финансирование, развитие науки.

Во втором параграфе «Память о В.О. Ключевском в сообществе московских историков» анализируется создание образа профессора в воспоминаниях его учеников.

В третьем параграфе «Проблема лидерства в сообществе московских историков» рассматривается ситуация с перераспределением властных полномочий после ухода с лидирующих позиций В.И. Герье, П.Г. Виноградова и В.О. Ключевского.

В четвертом параграфе «Проблема подготовки историков в начале XX в.» показана практика коммуникаций между учителями и учениками, которой придерживались новые профессора Московского университета.

В выводах по восьмой главе сводятся наблюдения о том, что в текстах последователей В.О. Ключевского он был показан самым влиятельным профессором-историком в Московском университете, сумевшим в одиночку создать методологические основы изучения социальной истории в России, что несколько деформировало представление о сообществе московских историков для последующих поколений исследователей.

После смерти В.О. Ключевского лидером русистов стал М.М. Богословский, который, опираясь на традиции научных коммуникаций с молодежью, характерных в более раннюю эпоху для П.Г. Виноградова, вместе с Ю.В. Готье пытался

выстроить систему подготовки молодых историков. На первые роли у всеобщников выходит А.Н. Савин, хотя право формального старшинства было у Р.Ю. Виппера.

Никто из магистрантов, оставленных для сдачи экзаменов после 1905 г., диссертаций до 1917 г. не защитил. Во многом эта ситуация вызвана ухудшившимися условиями для исследовательской работы в университете, когда ослабевали контакты учеников и учителей. Домашние семинары сохранились у А.Н. Савина. Профессора-русисты – М.М. Богословский и Ю.В. Готье – предпочитали индивидуальную работу с учениками, но пытались создать площадку для совместной коллективной работы историков разных поколений. С 1916 г. такую роль стало выполнять воссозданное Историческое общество при Московском университете.

В заключении выделены основные этапы формирования профессионального сообщества историков в Московском университете.

На первом этапе, охватывающем период с 1755 по 1850 г., шло институциональное оформление сообщества историков Московского университета. Процесс явно ускорился в годы попечительства С.Г. Строганова (1835–1847), на которые приходится деятельность отцов-основателей профессионального сообщества московских историков – Т.Н. Грановского, П.Н. Кудрявцева и С.М. Соловьева.

Второй этап формирования сообщества историков Московского университета, в ходе которого вырабатывались базовые принципы профессионализма ученого-историка, приходится на период между 1850 и 1884 гг. Важная роль в формировании сообщества в эту эпоху принадлежит С.М. Соловьеву, Н.А. Попову и В.И. Герье, стремившимся к тому, чтобы ввести в науку собственных учеников.

На третьем этапе (1884–1911 гг.) своего существования сообщество московских историков представляло собой малую социальную группу историков-профессионалов с разветвленными вертикальными и горизонтальными связями. Лидерами сообщества к началу XX в. были В.И. Герье, В.О. Ключевский и П.Г. Виноградов.

Лидеры сообщества составляли его ядро, их ученики – периферию. Восприняв этос поведения ученого, восходящий к Т.Н. Грановскому, московские историки пытались сделать достижения исторической науки достоянием общественного внимания. Целью сообщества было производство и распространение нового знания об истории, построенного на архивных источниках. Это знание должно было давать обнадеживающие примеры для формирования гражданской позиции, быть экспертным заключением к различным процессам общественно-государственного сотрудничества, способствовать общественным и научным дискуссиям об истории как научной дисциплине и предмете университетского преподавания. В целом имелось в виду воспитание человека университетской культуры.

В процессе развития сообщества историков в Московском университете формирование профессиональных компетенций лидерами малой социальной группы становилось более приоритетной задачей, чем воспитание историей в процессе обучения, что было более характерно для Т.Н. Грановского и С.М. Соловьева. Усиливающаяся специализация исторической науки разрушала чувство единства всеобщих и русских историков Московского университета, что вело к усложнению и переформатированию связей в сообществе. После смерти В.О. Ключевского единое сообщество всеобщих и русских историков стало распадаться.

Лидером историков-русистов стали М.М. Богословский и помогавший ему Ю.В. Готье, конкуренцию которым составляли А.И. Яковлев и С.В. Бахрушин, оказавшиеся под влиянием С.Б. Веселовского. Лидером всеобщих историков стал А.Н. Савин. Новые дуайены отдавали дань уважения традициям личного общения профессоров и студентов, характерным для Московского университета более ранней эпохи, однако по-иному расставляли акценты в подготовке своих учеников.

Одним из последних всплесков воспоминаний о былом единстве всеобщих и русских историков стало создание мифа о В.О. Ключевском как профессоре, в деятельности которого отразились лучшие черты московской школы историков. Создание такого мифа было важным для профессионального самоопределения и

самоощущения московских историков в условиях давления внешней среды, особенно в эпоху распада тех ценностей, которые создавались людьми Московского университета до эпохи революций.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по группе специальностей 5.6 – Исторические науки³⁷:

1. *Цыганков Д.А.* Семинар как новое явление на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е – начале 1870-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. № 1. С. 47–62. (1 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,277).
2. *Цыганков Д.А.* Эпистолярное наследие академика П.Г. Виноградова в архивах, библиотеках и музеях России (1874–1924 гг.) // Отечественные архивы. 2022. № 2. С. 122–127. (0,4 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,144).
3. *Цыганков Д.А.* Мировоззренческие основы профессорского служения С.М. Соловьева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Т 99. № 2. С. 36–49. (1 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,427).
4. *Цыганков Д.А.* С.М. Соловьев в коммеморативной практике сообщества московских историков // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 5. С. 24–47. (1 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,277.).
5. *Цыганков Д.А.* Т.Н. Грановский в коммеморативной практике сообщества московских историков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2020. Т. 93. № 2. С. 57–76. (1,5 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0, 427).
6. *Цыганков Д. А., Андреев А.Ю., Наумов П.Ю.* Крыловская история: Формирование этики профессорского служения // Вестник Православного Свято-Тихоновского

³⁷ В публикациях № 6, 8, 15, 16, 17, 22 авторский вклад соискателя составляет не менее 50% общего объема текста.

гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Т. 94. № 3. С. 112–130. (1 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0, 427).

7. *Цыганков Д.А.* Robert Wipper and the Community of the Moscow Historians in Pre-revolution Time // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2019. Vol. 64. №. 1. С. 222–234. (1 п.л.) (Web of Science, JCI – 1,22).

8. *Наумов П.Ю., Цыганков Д.А.* Ученики П.Г. Виноградова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2019. Т. 89. № 4. С. 115–147. (1 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,427).

9. *Цыганков Д.А.* М.С. Корелин как преподаватель высшей школы // Клио. 2017. Т. 130. № 10. С. 167–174. (1 п.л.) (ИФ РИНЦ – 0,201).

10. *Цыганков Д.А.* Авторитет учителя и научные конфликты в сообществе московских историков в конце XIX – начале XX вв. // Клио. 2016. Т. 116. № 8. С. 54–61. (1 п.л.) (ИФ РИНЦ – 0,201).

11. *Цыганков Д.А.* В.И. Герье о Московской городской думе // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Т. 71. № 4. С. 139–149. (0,5 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,427).

12. *Цыганков Д.А.* Университетская повседневность на страницах дневника Михаила Корелина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2016. Т. 61. № 3. С. 120–134. (1 п.л.) (Web of Science, JCI – 1,22).

13. *Цыганков Д.А.* Галопом по Европам // Родина. 2016. № 8. С. 102–103. (0,2 п.л.) (ИФ РИНЦ – 0,034).

14. *Андреев А.Ю., Цыганков Д.А.* Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в Императорском Московском университете // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Т. 68. № 1. С. 70–97. (0,75 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,427).

15. *Ильяшенко Н.А., Цыганков Д.А.* Протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов и историки Московского университета // Вестник Православного Свято-

Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Т. 62. № 1. С. 137–149. (0,5 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,427).

16. *Андреев А.Ю., Цыганков Д.А.* Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Т. 65. № 4. С. 70–97. (1 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,427).

17. *Цыганков Д.А.* Семинар как место исследования в Московском университете второй половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Т. 59. № 4. С. 117–132. (1,5 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,427).

18. *Цыганков Д.А.* Упившись винами до бесстыдства // Родина. 2014. № 9. С. 73–76. (0,3 п.л.) (ИФ РИНЦ – 0,034).

19. *Цыганков Д.А.* Воспоминания профессора В.И. Герье. 1894 год в истории Московского университета // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2011. Т. 38. № 1. С.131–152. (1 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,427).

20. *Цыганков Д.А.* М.К. Любавский и организация 200-летнего юбилея со дня рождения М.В. Ломоносова в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 5. С. 95–113. (1 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,277).

21. *Андреев А.Ю., Цыганков Д.А.* Общества по изучению истории в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2004. № 2. С. 95–105. (0,4 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,277).

22. *Цыганков Д.А.* Профессор всеобщей истории В.И. Герье (1837–1918) // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 219–230. (1 п.л.) (Scopus, SJR – 0,211).

Монографии

23. *Цыганков Д.А.* Terra Europa: Интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 671 с. (42 п.л.).
24. *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2010. 501 с. (31,5 п.л.).
25. *Цыганков Д.А.* В.И. Герье и Московский университет его эпохи. Вторая половина XIX – начало XX вв. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. 254 с. (10 п.л.).

Публикации в других научных изданиях

26. *Цыганков Д.А.* Формирование профессорской субкультуры в России второй половины XIX в. и миф о Т.Н. Грановском // XXI Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2011. Т. 2. С. 123–125. (0,3 п.л.).
27. *Цыганков Д.А.* К вопросу о причинах частной благотворительности на нужды образования в Москве // XX Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2010. Т. 2. С. 86–88. (0,2 п.л.).
28. *Цыганков Д.А.* Попечитель в России: Между ценностями европейской науки и государственной службы // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв.: сб. ст. науч. конф. (III Арсентьевские чтения). Чебоксары, 2010. С. 551–565. (1 п.л.).
29. *Цыганков Д.А.* Традиции Т.Н. Грановского и формирование «московской школы историков»: складывание профессиональной научной среды в Московском университете как проблема трансфера культур // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII–XX в. М., 2009. С. 244–263. (1 п.л.).
30. *Цыганков Д.А.* Московский университет в городском пространстве начала XX в. // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Труде Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 371–460. (5 п.л.).

31. *Цыганков Д.А.* Исследовательские традиции московской и петербургской школ историков // История мысли. Русская мыслительная традиция. М., 2005. С. 66–77. (1 п.л.).
32. *Цыганков Д.А.* История как наука и философия истории в трудах В.И. Герье // История мысли. Историография. М., 2002. С. 81–92. (1 п.л.).